

ВКЛЮЧЕНИЕ НЕОБЫЧНЫХ ЯВЛЕНИЙ В КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ КУЛЬТУРЫ

По мере расширения и роста интенсивности научных исследований, технических экспериментов, промышленных мощностей, а также увеличения информационных потоков в сфере человеческих взаимодействий актуализируется необходимость учета и изучения необычных и скоротечных явлений. Кроме того, такая необходимость возрастает по мере резкого увеличения числа сообщений о необычных явлениях. Совокупность данных последних лет делает весьма вероятным предположение о расширении географии, разнообразия и воздействий необычных явлений. Именно поэтому постепенно в состав общечеловеческой культуры следует вводить концепции о необычных явлениях.

1. СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЯВЛЕНИЯХ

Речь идет о необычных явлениях, которые представляют собой эпизоды внешней среды с особой феноменологией и частотой встречаемости. По существу своему совокупность таких эпизодов представляет собой как бы пограничный барьер между обычной повседневностью явлений и «почти невероятными событиями». На кривых вероятности появления тех или иных событий необычные явления образуют хвосты кривых распределения. Они представляют собой «проводники» в неизвестное и лишь некоторыми своими сторонами соприкасаются с областями парадигм и концепций современной науки, возникших на базе изучения обычных явлений.

В чем же характеристические особенности необычных явлений? В чем существо их природы? И возможно ли строить позитивные подходы к их исследованию? Именно в этом направлении предлагается формулировать вопросы и высказывать предположения, чтобы перевести проблему необычных явлений в ранг научных проблем.

Однако трудность исследования этих явлений состоит не только в их редкости и скоротечности, но и в том, что почти всегда они возникают внезапно, без проявления предшествующих признаков надвигающегося необычного явления. Несомненность редких сочетаний условий, способствующих возникновению и развитию необычных явлений, делает весьма

проблематичной процедуру предсказания. Подчеркнем, что только уровень предсказательности явления определяет его научную достоверность и практическое достоинство. Кроме скоротечности, необычные явления характеризуются высокой интенсивностью и узкой локализацией своего развертывания в наблюдаемом диапазоне (оптическом, акустическом, тактильном и пр.). Кроме того, разветвленная сеть инструментальных научных наблюдений за разнообразными явлениями окружающей природы специализирована в соответствии с существующими научными концепциями и нацелена на часто встречающиеся события. Спектр редко и быстро протекающих явлений не охватывается научной регистрацией, следовательно, и каждое конкретное необычное явление постоянно ускользает от официальных средств обнаружения¹. Здесь же возникает опасная своим гипнотизмом псевдоконцепция — «если редко встречается, значит не влияет». Но ведь и камень на голову может свалиться всего лишь один раз, зато с побеждающей убедительностью.

В связи с указанными причинами (существуют сильные, но менее очевидные и другие причины, например активная незаинтересованность в исследовании необычных явлений, имеющая социальный характер) единственным «регистрирующим прибором» необычных явлений остается сам человек. Серия регистраций этого вида имеет длительную и сложную историю, а результатом регистраций являются десятки и даже сотни тысяч различных сообщений о том, что «видели», «слушали», «рассказывали» и т. п. Приведем краткий перечень примеров необычных явлений из монографии Персингера и Лафреньера².

1. 17 сентября 1901 г. (Шотландия) — лепгообразные вспышки на небе перед землетрясением; 7 декабря 1965 г. (Аризона) — пылающие пятна на почве после дождя; Нью-Йорк, 1946 г. — подпрыгивающее свечение воздуха; март 1962 г. (Зап. Вирджиния) — пойманная рождественская передача (радио) за прошедший год; гудящие звуки во время известного землетрясения на Аляске 27 марта 1964 г. в штате Техас; январь 1921 г. — черные объекты пересекали солнечный диск; 7 декабря 1900 г. — серия световых вспышек на Марсе; 8 февраля 1969 г. (Мексика) — столкновение метеорита Аллена и шаровой молнии, необычные свечения и гулы.

2. 29 мая 1951 г. (Канзас) — «великий градопад»; 6 марта 1957 г. (Коннектикут) — торнадо в условиях ясного неба; 11 апреля 1965 г. — светлое зарево и разряд молний в торнадо; 10 января 1938 г. (Южная Дакота) — за 15 мин темпе-

ратура упала на сорок семь градусов; 22 января 1943 г. (Южная Дакота) — за две минуты температура поднялась на 45°, позже за 27 мин снизилась на 54°; 3 февраля 1969 г. (Флорида) — «дребезжащие звуки» из единственного облака; 2 декабря 1904 г. (Теннесси) — внезапная темнота на 15 мин; гравитационная аномалия 100 футов в диаметре — двигались камни, таинственные силы сталкивали автомобили; при касании Земли она прорывалась пламенем.

Приведенный список явлений характеризует довольно широкий круг необычностей. Этот круг захватывает сферу большого (общепланетарного) масштаба и даже Солнечную систему в целом. Очевидно и то, что приведенные примеры не имеют общей модели, объясняющей природу этих явлений. Более того, объяснение даже отдельного феномена, например метеорологического или геофизического свойства, уже сильно затруднено и не идет дальше правдоподобных гипотез³.

2. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОБСТАНОВКА

Человеческая популяция живет и развивается не только в энергетических и вещественных потоках, но и, что самое главное в смысле данной проблемы, в информационных потоках⁴. Эти информационные потоки — основная питательная среда для чувств и мыслей человека. Именно информация, преобразуясь и укладываясь в создаваемые понятийные структуры, делает внутренний и внешний мир данного человека осмысленным и согласованным с биологическими, социальными и общеприродными свойствами человечества.

Итак, восприятие человеком трехмерного пространства и происходящих в нем событий составляет основу практической внешней навигации людей. Процесс же осмысливания внешних фактов в нашем сознании производится с помощью памяти путем непрерывного процесса воспоминания. Поэтому сопоставление внешнего (факты среды) и внутреннего (память) потоков информации (например, распознавание букв при чтении) дает возможность человеку испытывать и закреплять ощущение «времени». Этот вывод подтверждается серией психологических экспериментов в сурдокамере, в которых регистрируется исчезновение индивидуального ощущения времени в связи с отсутствием «информационного притока». В связи с тем что в подавляющем числе случаев именно часто встречающиеся события непрерывно воздействуют на наше восприятие «своей реальностью», а также благодаря принципам психологической стабилизации каждого человека формируется определенная индивидуальная

и коллективная структура восприятия. В последующем эта структура стабилизируется, становится фильтром и сортирует внешние события на «реальные» и «нереальные». Именно поэтому упавший на льду человек — «реальность», а мгновенно исчезнувший из поля зрения — «нереальность». Характерно также, что технический прогресс стал возможен только потому, что элементарные акты технического генезиса превзошли формирующее множество впечатлений и фактов от естественной среды. Поэтому часто встречающееся в жизни и деятельности человеческой популяции техническое событие стало реальным и убедительным⁵. Сформировалась «техногенная структура восприятия», для которой естественное событие становится либо нереальным, либо предметом коллективной атаки для достижения прагматических целей структуры.

Хорошо организованные коллективные структуры и модели восприятия, а также общественные системы творчества и интерпретации ложатся в основу культурологической архитектуры и общего миропонимания, подразделенного на научные, религиозные, политические и другие мировоззрения. За время человеческой истории не раз лидировали те или иные модели базовых восприятий. В соответствии с этими моделями господствовало то или иное мировоззрение. Уместно считать, что в настоящий момент доминирует научное мировоззрение. Вполне очевидно, что и эта доминанта весьма непостоянна и противоречива во времени. Но нам важно отгениить и осознать функциональное значение этих моделей, ибо именно они контролируют формирование и характер массивов наблюдаемых фактов и представляют собой основополагающие механизмы для воспитания современных способов восприятия встречающихся на практике ситуаций. В зависимости от широты, глубины и эгоцентричности понимаемого восприятия строится уровень жизни, темп жизни и характер миропонимания. Во время господства той или иной модели мира в обращении у человечества пребывают те или иные «модные» события, которым, согласно модели, и придается решающее значение⁶. Естественно, что редко встречающиеся или «вредные» для функционирования данной модели события тайно или явно отбрасываются как «несущественные».

Допустим, что модель становится «узкой» из-за возрастания числа необычных и неинтерпретируемых в ней событий. Это неизбежно приведет к преобразованию восприятия и введению в растущую сферу культуры новых фактов. Эти новые факты могут, в свою очередь, лежать в основу либо но-

вой, либо расширенной модели миропонимания. Но и тогда будут события, не вошедшие в новый вариант модели, и снова они будут отбрасываться как «несущественные». Так один диапазон восприятия сменяет другой диапазон, а модель сменяет модели. В то же время именно сужение числа наблюдавших явлений «номенклатурной регистрации» до требования модели стабилизирует фонд культуры и спасает людей от опасной атаки бесконечного разнообразия явлений внешней среды. Ведь внутренняя закономерность и природа ряда явлений может превосходить возможности человеческого познания в режиме жизненных возможностей и нужд текущего момента. Именно поэтому задача восприятия сводится к тому, чтобы выявить, какие из необычных явлений и какую совокупность часто встречающихся событий следует ввести в сферу актуального информационного обращения, чтобы вовремя нарастить новые культурные возможности и эффективно адаптировать существующую модель миропонимания. Причем это преобразование модели, по существу, двуединно, оно должно характеризоваться строгим отбором «вполне пригодных» концепций из прошлого и «уже приемлемых» новых концепций, надвигающихся из будущего.

Особенность текущего момента такова, что количество сообщений и появление измерительных данных о необычных явлениях создают обстановку, неприемлемую для господствующей системы культуры. Ведь необычные явления, представляющие собой новые феномены в окружающей интенсивно развивающейся среде, и есть тот растущий резерв информации, который ожидает своего введения в информационный поток популяции — как основы новой модели миропонимания. Но эта новая перспектива совершенно неизбежно потребует реорганизации всей системы наших основных представлений, нацеленных на будущее, но базирующихся на старых структурах коллективного восприятия, изменит в той или иной степени характеристики культуры как показателя организованности людей.

Человек как обусловленный «познающий прибор» вырабатывает свои мировоззрительные модели под влиянием социокультурных, биологических и природных обстоятельств. Концептуальность в социально отложенных системах информационных потоков строго руководит ментальным режимом и поведением человека. Она также постоянно ревизует пригодность возможностей восприятия для расширения и своего воспроизведения в фазах результатов культуры. Только ребенок в первые годы своей жизни концептуально сво-

боден, и его восприятие некорректно по отношению к нашим представлениям, но именно это восприятие не отбрасывает необычность „как нечто несущественное“. В этом отношении высказывание „...будьте как дети“ имеет глубочайший смысл.

Рассмотрим обусловленность восприятия времени человеком как вопрос временного интервала, или ячейки времени по Л. Бриллюэну (1967). Прежде всего отметим малую разрешимость нашего восприятия времени. Так, если два события происходят в интервале менее чем 10 мсек, то эти события воспринимаются как одно; если же события происходят, например, с недельным интервалом, то они могут восприниматься как несвязанные⁷.

Таким образом, чтобы наблюдаемые события регистрировались в причинно связанных соотношениях и динамических режимах, они должны попасть в узкий диапазон нашего восприятия времени, основанного на анализе информации по множеству precedентов. Еще более узким местом в человеческом восприятии является факт дистанционного взаимодействия, поскольку для нас взаимодействие двух объектов должно быть, во-первых, очевидным, а во-вторых, однозначным в отображении на наш прошлый опыт. Поэтому обнаружить связь между «падающими камнями» и крупным землетрясением некоторое время спустя нам будет мешать концептуальная тенденция. Сообщение о «падающих камнях» будет автоматически отброшено из-за отсутствия precedента. Наша способность и привычка использовать особенности пространства в отношении развертывания в них событий обусловлена концепцией близости на местности. Поэтому если между событиями имеются только функциональные связи, но отсутствует их сближенность в плоскости нашего локализующего восприятия, то пространственная взаимосвязь будет или просто не замечена, или концептуально «отредактирована». Например, землетрясение в одном месте и внезапные наводнения или «эпидемии» разбивающихся окон в других местах — для нас события несвязанные.

В соответствии же с предположением о функциональной взаимосвязи удаленных участков Земли, а также их переплетений во времени необычные события могут и должны быть увязаны с совокупностью передаваемого фактологического материала. Районы развития далеко отстоящих друг от друга событий будут перегружены необычными (по природе и интенсивности) явлениями, и по мере общепланетной «информационной съемки» необычных событий они

должны отчетливо вырисовываться. Действительно, вслед за уровнем плотного множества обыденных явлений должен существовать, как на это указывают необычные явления, следующий уровень реальных фактов. Эти факты находятся как бы в другой плоскости, и они при соответствующем пространственно-временном преобразовании прорываются в плоскость нашего мира — область понятых и закономерных явлений обыденности. Однако без общего анализа и без предположения об организменной сущности планеты большее количество явлений необычного свойства останется вне пределов исследовательского внимания, поскольку нет концептуальной связи нашего понимания с необычными фактами. Например, объект: «... огромный, до пяти метров в диаметре, круг продолжал расти. В памяти осталась такая деталь: шар был светло-красный, а сердцевина — величиной с футбольный мяч, темнее» (Правда 1981. 8 ноября). Этот объект охарактеризован как «шаровая молния» в соответствии с традиционной концептуальной схемой.

Характерно, что различным уровням нашего научного мышления и восприятия соответствуют специфические уровни факторов, питающих наши рассуждения на данном этапе научной активности в среде окружения. Эта «концептуальная квантованность» приводит ученых к формированию и закреплению единиц мировоззрения, из которых на уровне обобщения создаются те или иные фундаментальные картины мира, лежащие в основе мобилизованных потенциалов общественной культуры, как самовыражения эволюции людей.

Построение же следующего нового уровня, приближающего нас к различным тонким явлениям в природе, становится информационно результативным только в том случае, если на этом уровне возникают условия для регистрации и изучения набора ранее необъяснимых явлений. На наш взгляд, новой концептуальной моделью, в которой может осуществляться процесс целевой переориентации исследования планеты, является модель организменной целостности Земли⁸. Для своего развития эта модель неизбежно потребует учета новой фактологии и новых постановок задач, поскольку возникнет новый набор целей, ориентирующих исследовательские усилия. Именно эта модель поставит внутренние (не экономические) цели перед геологической отраслью знания в первую очередь. Причем новые концепции, задачи и цели потребуют от исследователей и новых средств, и методов работы. Так, концепция потоков воздушных масс возникла и развилась из анализа данных тысяч

метеостанций. Следовательно, новые концепции как для своего развития, так и для возникновения требуют новой информационной среды. В этой среде неизбежно и быстро должны возникать (при наложении восприятия) системы регистрации новых факторов состояния планеты и отдельных ранее не фиксируемых феноменов⁹.

3. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В период становления новой информационной обстановки особой точкой сборки является выбор модели анализа совокупности новых фактов. При этом выборе следует обращать внимание на упорядочение и виды взаимодействия (или взаимосвязей) в совокупности зарегистрированных традиционных и новых фактов¹⁰. Пространственно-временная синергия необычных явлений не обязательно должна лежать на поверхности, она может быть погружена в сложную последовательность событий, разгадка которой возможна только на уровне высокой информационной обеспеченности. Именно поэтому этап учета и регистрации новых «незакономерных» фактов является основополагающим для создания перспектив и реализации нового концептуального климата.

Кроме того, едиичный индивидуальный факт какого-либо события может не иметь постоянного количества и качества поощряющих факторов. Чтобы избежать путаницы в связи с размножением какого-либо отдельного факта, следует осуществлять стратегию массированной регистрации *всех явлений*, не укладывающихся в привычные концептуальные и мировоззренческие нормы. Общая схема, построенная на множестве проявлений необычных событий, может пригодиться для создания первичных рабочих предположений. Такие предположения будут способствовать организации нового уровня приближения к природе новых явлений в последовательном процессе познавания окружающего нас мира. Применительно к конкретным вопросам создания и применения методов можно руководствоваться самыми общими положениями:

- а) следует ясно осознавать условность и ограниченность существующих и создаваемых моделей;
- б) во избежание избыточной «новизны» наблюдение и распознавание новых фактов должны иметь хорошую опору в уже имеющемся знании и в существующей структуре концепций и восприятий, которые обусловливают восприятие, информационную съемку и регистрацию данных по новым фактам;

в) с другой стороны, следует иметь в виду, что наложение готовой структуры восприятия и анализа на новый массив данных неизбежно по-своему структурируют новые явления, что может остановить или затруднить исследовательский процесс.

При массовом первоначальном «измерении» необычных явлений, когда измерительным «прибором» выступает сам человек, на первых этапах работы с информацией следует иметь в виду, что некоторые необычные явления демонстрируют лишь человеческую способность воспринимать нечто как необычное. Кроме того, нередко материалы о необычных явлениях подвергаются «информационному загрязнению» при их регистрации. Например, искажения может внести личное отношение наблюдателя к факту: страх, воображение, мечтательность, удивление и пр. Далее, уместно предположение, что если человек является единственным измерителем необычных явлений, то поступающая информация должна строго соответствовать плотности населения. Предполагая также, что преимущественных координат на планете для возникновения необычных событий нет, мы получим прямую зависимость числа событий от числа наблюдателей. Наблюдение зависимости числа от плотности населения поможет выявить наличие и функционирование других существенных переменных.

Трудно регистрируемые и непредсказуемые проявления редких необычных событий, несмотря на их малый вес в сравнении с потоком ординарных явлений с высокой частотой встречаемости, всегда и всюду оказывают психологическое воздействие «на прибор», т. е. на наблюдающего человека. Этот факт, несмотря на его очевидность, мало учитывается в серьезных исследованиях. Причем, эти явления в первую очередь воздействуют на эмоциональную сферу человека: необычайной силы ураган, ливни, град, пылевые бури, температурные скачки, световые явления, акустические эффекты (грозоты, шумы, скрежеты и т. п.) — все это в первую очередь атакует блоки восприятия, будоражит инстинктивные механизмы и ревизует концепцию «Я». Следует подчеркнуть, что даже весьма небольшие возмущения в окружающей среде расшатывают привычные нормы восприятия, деформируют эмоциональный стереотип и выбивают привычные опоры самопадеянной обеспеченности человека в среде обычных событий. Снова подчеркнем важную роль технического прогресса, внесшего громадные возмущения в окружающую естественную природную среду, которая до техногенных массовых впечатлений формировалась привычные нормы эмоционального вос-

приятия. Техногенная сумма воздействий адресуется именно эмоциональным стереотипам популяции и приводит этот стереотип в состояние дестабилизации тем, что изолирует от впечатлений естественного происхождения.

Отбрасывание редко встречающихся аномальных явлений наилучшим образом иллюстрируется вековой работой метеослужбы. Несмотря на огромную опасность грозных явлений экстремального характера, до самых последних лет метеослужба и ее научный контингент не ставили перед собой задачу исследования и прогнозирования аномальных явлений как особо важной проблемы. Более того, концепция предсказывания «любой» погоды на непрерывной шкале времени и по настоящий момент вуалирует проблему исследования аномалий кратковременного характера (да и не только кратковременного). Однако даже с учетом только экономического критерия можно говорить о громадном масштабе экономических затрат «по ликвидации» последствий стихийных скоротечных процессов¹¹. Ссылка на то, что «так было всегда», лишь подтверждает положение о том, что «невнимательность» к этой категории процессов со стороны исследователей, во-первых, является хронической, а во-вторых, концептуально увязанной со своим происхождением. С нашей точки зрения предсказание именно аномальных разрушительных (материально или психологически) явлений должно характеризовать службу реального прогноза.

Только в последнее время в связи с учащением общепланетарных аномалий и расширением их географии возникают научные и государственные службы слежения за признаками, предшествующими аномалиям. Но концептуальная новизна этих задач прогноза попадает в условия старых концепций, средств и методов исследования. Старые методы, интерпретирующие новые феномены, малоэффективны. Примером работы этой системы прогноза является все тот же ежедневный и краткосрочный прогноз погоды. Кроме того, снижение предсказательности является прямым и однозначным указанием на возрастание потенциала неопределенности (энтропии) в системе, для которой производится предсказание события. Следовательно, более важным является не вопрос улучшения предсказания (что концептуально более привычно), а вопрос о возрастании энтропии в биосфере.

Нельзя не указать и на чисто познавательные причины, стимулирующие необходимость серьезных исследований скоротечных аномальных явлений. Ведь наблюдения за исключениями дают понимание принципов. Наконец, не следует сбрасывать со счетов исторического значения необыч-

ных явлений. Хроника изобилует примерами вмешательства необычных и скоротечных процессов в канву исторических событий (метеорит убивает лидера повстанцев; внезапный штурм парализует военную акцию эскадры и пр.). Каково влияние этой категории событий в целом на историю человечества в прошлом, будущем, настоящем? Какое значение имеет она в текущей фазе культуры? Способны ли эти события соперничать с мощностью современных систем человеческого жизнеобеспечения? Этих вопросов становится все больше, а сами они — все остree.

4. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СХЕМ

Действительно, необычные события стучатся в нашу жизнь очень интенсивно. Но что же мешает науке заняться разрешением этих реально существующих загадок? Видимо, одной из помех является то, что научное поведение есть по существу, разновидность социокультурного поведения. Привычные способы обнаружения и понимания объектов научного исследования в рамках только устоявшихся концепций научное поведение делает групповыми. Групповая психология ученых составляет специальный климат научной среды, и поэтому единичное наблюдение одного наблюдателя легко нейтрализуется коллективным убеждением, что «этого быть не могло», «это выдумка» и т. д. Даже групповое (но единичное) наблюдение феномена не влияет на поведение ученых, основанное на восприятии и трактовках часто встречающихся событий. Кроме того, многие виды необычностей, по существу, представляют собой на существующем концептуальном уровне неразрешимую проблему. Чаще же общее мнение вычеркивает феномен простым принятием решения: «заниматься этим не имеет смысла». Причем под «смыслом» чаще всего, согласно социокультурной доминанте, понимается то, в чем усматривается выгода при овладении данным явлением или знанием. Да и кому захочется заниматься проблемой, порождающей, во-первых, беспокойство, а во-вторых, имеющей, как правило, отрицательный научный престиж. Если же по каким-либо мотивам проблемы все же пытаются решить, то чаще всего оказывается, что ее неразрешимость порождает в людях стереотипные реакции, и тогда явление либо отбрасывается, либо его «имеют в виду», т. е. принимают без всяких вопросов как элементарную данность.

И все же новую феноменологию нельзя игнорировать как по причине ее объективного существования, так и по причине того, что малейшее выяснение природы этих загадок даст колossalный толчок в приращении человеческого знания и возможностей настоящего, нацеленного в будущее (например, эффекты лозы, парапсихология, новые по природе источники энергии, новые планетарные процессы, НЛО и пр.). Далее следует отчетливо понять и принять тот факт, что маловероятные события, как правило, выступают в качестве сильно влияющих. Именно поэтому создание в культуре позитивного климата в сфере свидетельств о необычных явлениях может быть отправной ступенью продвижения в новые области окружающего нас мира.

Характерной чертой регистрации необычных событий в США является, как показали М. Персингер и Г. Лафреньер, то, что общая карта распространения согласуется с основными центрами расселения Соединенных Штатов. Это вполне естественно, хотя бы по той основной причине, что число сообщений о необычных кратковременных явлениях отражает число «наблюдательных приборов» (людей) в данной местности. Кроме того, нет логических запретов на то, что определенные виды необычных явлений могут даже стимулироваться совокупной человеческой деятельностью. В то же время для США обнаружены также места (средизападные Штаты), где существуют сильные отклонения от распределения населения. Именно эти отклонения свидетельствуют о специализации некоторых участков планеты. Можно предположить, что необычные явления имеют неравномерное распределение во времени и в пространстве. Эта неравномерная плотность встречаемости обуславливает высокую вероятность регистрации феноменов малым числом наблюдателей в местах «сгущения» необычных явлений. Тогда чем больше число наблюдателей, тем выше число сообщений о событиях в этих местах. Но следует также иметь в виду, что с увеличением числа наблюдателей растет и число ошибочных показаний¹².

Далее, если рассматривать человеческую популяцию в качестве сети регистрирующих приборов, то надо учесть следующие особенности наблюдателей. Имеются наблюдатели, которые не воспринимают правильно даже нормальные явления. Они составляют коллектив «невротиков», или «неподготовленных наблюдателей». Эти «приборы» будут поставлять неправильную информацию. С другой стороны, возможны особо тонкие «приборы», которые регистрируют явления за порогом чувствительности массового наблюдателя.

Такие наблюдатели образуют совокупность «особо чувствительных приборов» — коллектив «сенситивов».

Эти особенности получения исходных данных требуют учета того, что информация о необычных явлениях поступает от наблюдателей с различной глубиной чувствительности. И совокупная информация, по существу, может отражать лишь степень освещения событий за порогом нормального восприятия массового наблюдателя.

Здесь и возникает вопрос о необходимости широкой сети инструментальных наблюдений, возможных в профиле чисто научных исследований (геофизических, медико-биологических, астрономических и др.). Эта проблема подлежит скончайшему решению, поскольку объективные исследования необычных феноменов могут не только дать новые знания о феноменах среды, но и, что не менее важно, дать толчок процессу концептуального переоснащения науки и всей культуры в целом. Ключевое значение для прогноза необычных явлений имеет мировое картирование необычных явлений.

По мере накопления фактологического материала возникает вопрос о создании средств, которые приближают исследователей к пониманию явлений необычного характера. При этом следует иметь в виду, что зарождение и развитие средств понимания происходит в динамической информационной среде. Семантические предположения ложатся в основу концепции исследуемого явления и его механизма. Так, например, если наблюдатель видит светящийся квадрат и называет его «летающей тарелкой», то через сам этот термин неявно вводятся предположения о возможном значении и природе явления.

Особенно показателен случай семантического преобразования проблемы, связанный с феноменом 1908 г. в районе Подкаменной Тунгуски. Примененный термин «тунгусский метеорит» за семь десятков лет определил научный интерес и исследовательские процедуры. Этот термин возник в полном соответствии с господствующей парадигмой о возможном разнообразии космических объектов, достигающих пределов Земли и ее поверхности (метеоры, метеориты, болиды, космическая пыль, кометы). Именно невключение в космическое «население» таких возможных образований, как пламенные сгустки, газовые зарядовые тела, «магнитные бутылки» и др., привело к возникновению концепции «метеорита». И только отказ от господствующей парадигмы позволил по-новому интерпретировать собранный громадный информационный материал, в котором взрыв и вывал леса явились

всего лишь эпизодами вторжения в пределы Земли еще неизвестного космического объекта с далеко не простыми электромагнитными характеристиками и траекторной конфигурацией.

Далее, если кто-нибудь в необычных явлениях усматривает нечто не физическое, «не от мира сего», то средства исследования для такого предположения берутся вне физического и дискретного базиса, а например в мифологии¹³, эзотерических данных, религиозных доктринах и сведениях¹⁴. Такое обоснование допустимо по общим содержательным мотивам, но оно не пригодно в строго научном контексте и подлежит переосмысливанию в пределах научной методологии.

5. СХЕМА ВОЗМОЖНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Рационально можно рассматривать такие идеализированные схемы интерпретаций необычных событий.

1. Если все события классифицировать только по пространственно-временным координатам (принимаются во внимание лишь время и скорости их протекания и места происхождения), то их можно подразделить на «законные» и «незаконные». В этом случае необычность событий будет выражаться только в наличии (для обычных явлений) или отсутствии (для необычных явлений) прогностических схем. Следовательно, геологические события типа «извержение вулкана» и «дождь камней» за тысячи километров от извержения разнятся лишь частотой встречаемости. Тысячи извержений являются обычным фактом по отношению к десяткам необычных сведений о «падении камней с неба». Если события вулканизма, по существу, ординарны в своих частотах встречаемости, то ничего необычного не должно быть и в «дожде камней», а есть только отсутствие схемы прогноза. Такая гомогенизация обычных и необычных явлений может оказаться весьма эвристичной для понимания ряда вполне закономерных, по скоротечных и редких явлениям, все еще не схваченных общемировой съемкой редких событий.

2. Гетерогенная трактовка необычных явлений настаивает на том, что существует широкий спектр причин и многомерных уровней для возникновения различных явлений. Она опирается на солидную устную «трактовку необычного», но всего лишь для того, чтобы выловить и отбросить необычные явления как «нереальные». Гетерогенная трактовка, по существу, рассматривает явления обычные и необычные как реальные и переносные.

Но как гетерогенные, так и гомогенные объяснения ограничены и являются продуктом существующей концепции построения научного знания. Впрочем, это замечание не отрицает группирования единичных событий и того, что для отдельных групп может существовать один устойчиво функционирующий механизм. Может быть и так, что какая-то доля феноменов характеризуется единичным механизмом, который срабатывает только однажды, без какого-либо повторения.

Феноменологическое богатство окружающей нас планетной и космической среды весьма велико. Поэтому и гомогенная и гетерогенная трактовки природы необычных явлений могут оказаться приемлемыми. Важно то, что обе они далеко не исчерпывают все богатство возможных трактовок событий. Поэтому, становясь на позицию концептуального обновления основ науки, следует допустить и трактовки, не вытекающие из предыдущих прецедентов опыта и теории¹⁵. Например, приняв в качестве допустимой концепцию о неединственности высокоразвитых форм жизни в Солнечной системе, следует допустить и возможность соответствующих форм их активности. Эта активность «иноцивилизации» и может проявиться в наших пространственно-временных координатах как «необычность». С помощью этой концепции решается и вопрос о «связи с другими цивилизациями». Эта связь, возможно, всегда существовала как постоянный канал перетока информации (впечатлений и энергии) по всей совокупности необычных явлений. Но существующие антропоцентристические концепции навязывают ипоцивилизации «свой способ общения» и не учитывают того, что возможный диалог уже ведется на уровне, превышающем концептуальную оснащенность человека. Нельзя исключить того, что в сотнях тысяч зарегистрированных необычных событий окружающей среды зашифрована «беседа» человека с космически развитой внеземной культурой. С таких позиций попытка провести этот диалог техническими средствами может оказаться наиболее неудачной из возможных, поскольку она вынуждает иноцивилизацию перейти на язык столь много значащих в нашей культуре, но совсем не обязательных для всех форм жизни.

6. СУММИРУЮЩЕЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ

Итак, мы в краткой форме изложили причины, которые вынуждают целый ряд исследователей новых явлений искать опору для своей работы в создании атмосферы для рож-

дения новой концептуальной обобщающей схемы. В привычную для наших исследований последовательность событий вторгается новая феноменология, она психолотизирует массы и организует создание нового пласта культуры. Вырос круг приборного взаимодействия с неизвестными событиями, и для того, чтобы этот круг свести до реального исследовательского полигона, ученые идут путем учитывания необычной реальности не только новыми способами и средствами наблюдения, но и новыми концептуальными построениями. Однако эти концептуальные возможности не только расширяют возможность научного охвата новых явлений природы, но и потребуют новых преобразований в области общей интеллектуальной навигации человечества, потребуют серьезного наращивания общего багажа культуры. Возможно, что новые концептуальные просторы выведут людей Земли из фазы вселенского сиротства. Необычные явления, учащаясь и расширяясь, улучшают исследовательские возможности для обнаружения нового поколения закономерностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гиндилис Л. М., Меньков Д. А., Петровская И. Г. Наблюдение аномальных атмосферных явлений в СССР. Статистический анализ: Пр-т-437/ИКИ АН СССР. М., 1979; Мензел Д. О летающих тарелках. М., 1962.

² Persinger M. A., Lafrenere G. F. Space-Time Transients and Unusual Events. Chicago, 1977.

³ Дмитриев М. Тайна Петрозаводского феномена // Техника и наука; 1979; № 8; Зигель Ф. Ю. Летающие тарелки — миф или реальность? // Байкал. 1967; № 4; Мензел Д. О летающих тарелках.

⁴ Санаров В. И. НЛО и энлонавты в свете фольклористики; Шингаров Г. Х. Теория отражения и условный рефлекс. М., 1974.

⁵ Стихийные бедствия: Изучение и методы борьбы. М., Прогресс, 1978, с. 369—437.

⁶ Хокинс Дж. Кроме Стоунхенджа. М., 1977; Шингаров Г. Х. Теория отражения и условный рефлекс.

⁷ Persinger M. A., Lafrenere G. F. Space-Time Transients and Unusual Events.

⁸ Там же; Дмитриев А. Н., Журавлев В. К. Тунгусский феномен 1908 года — вид солнечно-земных взаимосвязей. Новосибирск, 1984.

⁹ Мензел Д. О летающих тарелках; Хокинс Дж. Кроме Стоунхенджа.

¹⁰ Гиндилис Л. М., Меньков Д. А., Петровская И. Г. Наблюдение аномальных атмосферных явлений в СССР; Санаров В. И. НЛО и энлонавты в свете фольклористики.

¹¹ Стихийные бедствия.

¹² Persinger M. A., Lafrenere G. F. Space-Time Transients and Unusual Events.

¹³ Санаров В. И. НЛО и энлонавты в свете фольклористики.